

Котон принес целую гору разной еды. Каждый выбирал то, что ему по душе, наполнял тарелку и усаживался поболтать со знакомыми. Лишь Бак сидел особняком. Забившись в самый угол, он уныло ковырял вилкой пирожное, явно не собираясь его есть.

Котон положил себе на тарелку пару умеренно сладких десертов, прихватил кружку заваренного капитаном черного чая и подсел к нему.

— Держи, это тебе.

Бак вздрогнул, растерянно кивнул и, поблагодарив, взял угощение. Но есть так и не начал — вид у него был отрешенный, будто мысли его блуждали где-то очень далеко.

Котон прекрасно понимал, в чем дело, но говорить об этом в лоб не решился. Вместо этого он спросил с легкой улыбкой:

— Что, не по вкусу мои угощения? А в отзывах писали, что это лучшие пирожные в округе.

Бак восторженно и торопливо покачал головой:

— Нет-нет, все выглядит очень аппетитно. Просто... аппетита совсем нет.

Котон негромко вздохнул:

— Знаешь, Бак... Тебя ведь очень легко читать. Все твои мысли прямо на лице написаны.

— Да ладно? — удивился тот. — С чего ты взял?

— Ты ведь до сих пор переживаешь из-за вчерашнего случая на аттракционе, верно? — Котон мягко посмотрел на него. — И сегодня утром ты ходил на его похороны?

Бак изумленно уставился на него:

— Откуда ты узнал?

Котон слегка улыбнулся:

— Ты, кажется, забыл, кем я работаю.

— Ну, я знаю, что ты диспетчер в службе 911, — озадаченно нахмурился Бак. — Но как это связано с моим настроением?

Котон устроился поудобнее и пояснил:

— Все просто. Моя работа — слушать. По голосу на том конце провода я определяю состояние человека, его эмоции. — В этот момент Котон почувствовал легкий укол совести, ведь он немного лукавил, но простодушный Бак ничего не заметил. — Когда люди звонят в экстренную службу, они обычно напуганы до смерти. Моя задача — мгновенно проанализировать их интонации, отсеять панику и ложь, чтобы понять, как помочь им максимально быстро.

Бак понимающе кивнул. У каждого дела свои тонкости, так что никаких сомнений у него не возникло.

— Помнишь наш первый разговор? Когда на дом той маленькой девочки напали грабители. Сначала твой голос звучал сосредоточенно и твердо — ты четко понимал, с чем столкнулся, и знал, как действовать, поэтому в нем не было паники. А когда малышку спасли и я спросил о ситуации на месте, в твоих интонациях отчетливо слышались облегчение и радость.

Бак слушал его разинув рот. Он и подумать не мог, что обычный человеческий голос может рассказать о хозяине так много.

— Но сегодня, — продолжил Котон, — твой голос полон смятения, боли и... сомнений. Если бы ты просто узнал о случившемся из новостей, в нем звучало бы сожаление, но никак не страдание. Ты ведь ходил туда, правда? Поговори со мной. Расскажешь, что стряслось?

Бак горько усмехнулся:

— Я думал, ты пришел к нам на курсы первой помощи, а не подрабатывать штатным психотерапевтом.

Котон покачал головой:

— Психологу ты этого никогда не расскажешь. Стоит переступить порог кабинета специалиста, как ты тут же внутренне мобилизуешься. Даже если ты заставишь себя быть предельно откровенным и пообещаешь выложить все начистоту, твой разум все равно неосознанно выстроит барьеры. В итоге вы разберетесь лишь с верхушкой айсберга.

Он пожал плечами:

— А мы с тобой просто болтаем. Моя работа — слушать, так что считай это обычной профессиональной деформацией. Ну так что, поделишься?

Бак помолчал, раздумывая, но затем напряжение в его плечах спало. Он тяжело вздохнул:

— Ладно, твоя взяла. — Он помедлил, подбирая слова. — Ты прав. Я действительно отпросился сегодня утром, чтобы успеть на похороны. Я видел его сестру... Ей безумно тяжело. Она плакала и говорила, как сильно ее брат любил жизнь. Что если бы я поспешил, если бы успел вытащить его на секунду раньше, он бы справился... Но на самом деле все было иначе. Я до последнего умолял его протянуть мне руку, пытался накинуть на него страховочный пояс. А он просто отказывался помогать мне. Вместо этого он смотрел вниз — туда, где толпа зевак снимала его на телефоны. Я без конца подбадривал его. И в какой-то момент мне показалось, что я достучался. Но он лишь прошептал, что не может, разжал пальцы и полетел вниз.

Бак зажмурился, словно пытаясь прогнать стоявшую перед глазами картину.

— И теперь я без конца прокручиваю это в голове. Почему я не перегруппировался, не потянулся сильнее, почему не смог выгадать эти несчастные несколько сантиметров? Если бы я среагировал быстрее, когда он отпустил перила, я бы поймал его! Спас бы! Из-за этого я... я просто теряю веру в себя.

Котон молча смотрел на него. На молодом лице Бака застыла маска непритворной муки.

— Сегодня на вызове мы спасали мойщика окон, — глухо добавил Бак. — Парень завис на высоте, когда один из тросов люльки лопнул. Бобби приказал мне подниматься к нему... а я струсил. Замаялся. Не смог сделать ни шагу.

Котон не ожидал такого признания. Теперь стало понятно, почему в интонациях Бака сквозила не только глухая боль, но и полная растерянность.

Немного подумав, Котон решил обойтись без дежурных упреков или банальных утешений. У каждого своя правда, и он мог поделиться лишь собственным опытом.

— Ты ведь знаешь, что до службы в диспетчерской я работал в отделении неотложной помощи?

Бак кивнул, и Котон продолжил:

— За время работы в больнице я навиделся самоубийц. Люди пытаются свести счеты с жизнью по самым разным причинам. Но знаешь... большинство из них жалеют о содеянном в ту же секунду, как переходят черту. Кто-то пугается наступающей темноты и боли, кто-то внезапно вспоминает о тех, кому он дорог, а кого-то врачи буквально вырывают с того света. Но есть и другие. Те, кто действительно жаждет конца.

Воспоминания из его прошлой жизни отчетливо всплыли в памяти.

— Помню одну пациентку. Совсем молодая, невероятно красивая девушка. Ее привезли слишком поздно. Она сначала приняла смертельную дозу таблеток, а потом полоснула себя по венам. Обычно те, кто решается на такое, инстинктивно отдергивают руку, когда лезвие

касается кожи — боль заставляет их сомневаться. Но эта девочка была непреклонна. Разрезы были страшными, глубокими, сделанными твердой рукой. Парамедики рассказывали, что пытались разжать ей челюсти, чтобы вставить трубку для промывания желудка, но даже с помощью расширителя не смогли справиться — она сжала зубы насмерть. В итоге мы ничего не смогли сделать.

— Позже приехали ее родственники. По их ледяному равнодушию мы сразу все поняли. Но тогда я, точь-о-точь как ты сейчас, места себе не находил от растерянности. Не мог уложить это в голове. Тогда я пришел к своему наставнику. И он сказал мне слова, которые я запомнил на всю жизнь: «Да, мы давали клятву Гиппократу и обязаны бороться за каждого. Но если человек окончательно разочаровался в этом мире, даже Господь Бог не вернет его назад. Он сам ставит на себе крест. Когда стирается связь с близкими, когда исчезает сопереживание — уход становится единственным выходом, который они видят».

Бак глубоко задумался, и Котон закрепил мысль:

— Пойми, тот парень вчера... В момент, когда его больше волновали объективы чужих смартфонов, а не собственная жизнь, он уже сдался. Он безумно боялся, что вся его дальнейшая жизнь превратится в позорное шоу под прицелом чужих камер. Так что, Бак, — Котон поймал взгляд спасателя и твердо посмотрел ему в глаза, — он сам сделал этот выбор. Я не берусь судить его, но ты... Ты можешь горевать о нем, можешь сожалеть, но у тебя нет права сомневаться в себе. Пусть этот случай станет для тебя уроком, суровым опытом, который поможет лучше понять суть твоей работы. Но ни в коем случае не позволяй ему сломать тебя и стать непреодолимой преградой!

<http://bllate.org/book/19391/1950833>